

О ЕДИНОМ УЧЕБНИКЕ ИСТОРИИ. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

А.В. Лубков

Аннотация. Об актуальности темы говорят неутихающие дискуссии как в прошлом, так и настоящем. В 1836 г. Министерством народного просвещения был объявлен конкурс на создание учебника российской истории, спустя сто лет в 1936 г. этот запрос снова был сформулирован уже в иных исторических реалиях. Автор статьи анализирует задачи, которые призван был решать единый учебник русской истории в разные эпохи. Акцентируется внимание на проблеме формирования исторической памяти и выработки ценностно-смысловой ориентации в жизни молодого поколения.

Ключевые слова: учебник, русская история, всеобщая история, цивилизация, идентичность, суверенитет, национальные интересы, государственность, экономика.

Для цитирования: Лубков А.В. О едином учебнике истории. Концептуальные подходы // Преподаватель XXI век. 2024. № 1. Часть 2. С. 303–320. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-303-320

ABOUT THE UNIFIED HISTORY TEXTBOOK. CONCEPTUAL APPROACHES

A.V. Lubkov

Abstract. The relevance of the topic is evidenced by the unceasing discussions both in the past and in the present. In 1836, the Ministry of Public Education announced a competition for the writing a textbook of Russian history; a hundred years later, in 1936, this request was again formulated in a different historical context. The author of the article analyzes the tasks that had to be solved by a single textbook of Russian history in different eras. The author emphasizes the problem of forming historical memory and the development of value and meaning orientation in the life of the younger generation.

Keywords: textbook, Russian history, general history, civilization, identity, sovereignty, national interests, statehood, economy.

Cite as: Lubkov A.V. About the Unified History Textbook. Conceptual Approaches. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2024, No. 1, part 2, pp. 303–320. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-303-320

© Лубков А.В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

На протяжении всей нашей истории насчитывается немало примеров создания учебника по истории Отечества, который мы бы сегодня назвали единым учебником. Его отличало массовое использование, высокие тиражи и длительное переиздание. Таковым сначала стал «Синописис», который, появившись в 1674 г. в стенах Киево-Могилянской академии, надолго превратился в основное учебное пособие, применявшееся вплоть до конца XVIII в. К 1836 г. он был переиздан около 30 раз. На смену ему в 1760 г. пришел труд руки М.В. Ломоносова «Краткий Российский летописец», адресованный наследнику престола великому князю Павлу Петровичу в качестве учебной книги.

Усилиями интеллектуальной элиты российского общества XIX века была создана многообразная учебно-методическая литература, что очень важно, т. к. именно учебники и учебно-методические пособия, книги для чтения играют ведущую роль в формировании картины мира и образа Отечества у подрастающего поколения. В ходу широко были распространены так называемые «профессорские учебники» С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова и других крупных историков, соответствующие новейшему уровню исторической науки. Причем вслед за Карамзиным они отдавали приоритет отечественной истории над всемирной, особенно в содержании учебной книги [1, с. 14]. Широко применялось учебное пособие «Сокращение российской истории Н.М. Карамзина в пользу юношества», увидевшее впервые свет в 1819 г. благодаря усилиям Дитриха Августа В. Таппе.

В пореформенной России было опубликовано в печати около ста учебников и учебных книг по отечественной истории без учета переизданных [2, с. 3]. Популярностью пользовались и те учебники, где изложение русской истории было синхронизировано с всеобщей. Например, учебник И.И. Беллярмина «Элементарный курс всеобщей и русской истории» выдержал к 1916 г. 45 изданий [3]. До появления этого учебника учителя пользовались рекомендованными Министерством просвещения учебниками И. Кайданова [4; 5] и С. Смараглова [6]. Дискуссию о синхронности преподавания курсов истории продолжил Н.И. Кареев. Не менее издаваемый автор учебников был склонен к синхронной подаче материала всеобщей истории с точки зрения «общей картины развития человечества» и истории отдельного народа. Однако он считал, что «с национальной точки зрения некоторые частные истории могли бы быть более выдвинуты во всеобщей истории, чем это допустимо с всемирно-исторической точки зрения». Например, важно добротнo и подробно не только знать, но и понимать российскую историю: «Отечественная история должна оставаться выделенною в особый курс, в связи с которым должны сообщаться сведения из истории других народов, необходимые для лучшего понимания самой русской истории» [7, с. 29–30].

В период 1830–60-х гг. гриф Министерства народного просвещения и рекомендацию к использованию получили «Начертания русской истории для учебных заведений» Н.Г. Устрялова, став на долгое время единственным учебником по русской истории. Автор учебника был хорошо узнаваем в широких общественных кругах благодаря своим работам, в частности многотомной «Истории Петра Великого». В историографической традиции за ним закрепился статус одного из основателей отечественного источниковове-

дения, внесшим вклад в формирование научно-исследовательской культуры. Учебные пособия по истории России для средней и высшей школы Н.Г. Устрялова издавались большими тиражами. Так, к 1859 г. 11 раз был переиздан учебник для начальной школы, учебник русской истории для училищ к 1857 г. выдержал 10 переизданий. «Начертания русской истории для учебных заведений», которые по сути стали единым учебником, были переизданы более 10 раз и удостоены премии в 10 000 ассигнаций или 2857 руб. 14 1/2 коп. [8, с. 107–108]. Не одно поколение российских гимназистов выросло на этом учебнике.

Историческая наука стала опорой «в деле народного образования и воспитания, в деле развития сил духовной природы человека не только в юношеском, но и в зрелом возрасте», как отмечали рецензенты учебных пособий, оставляя свои заметки в официальном «Журнале Министерства народного просвещения». Основательное изучение жизни исторических народов «в их физическом, умственном и нравственном развитии, в религиозных верованиях, в семейном быту, в общественной, государственной и воинской деятельности, в нравах, обычаях и законодательстве, в добродетелях и пороках» преследовало главную цель: «умственное и нравственное усовершенствование». Учебник должен был доносить понимание, «что земное счастье человека как человека, как члена семьи, общества, государства состоит в правде и любви к добру и ближнему; в признании и соблюдении прав каждого на равенство перед Богом и законом», рассказывая о поучительной истории жизни народов и великих исторических личностей. Исторический нарратив учебника и учебных пособий должен представлять «живую картину отрадных и горьких опытов, благотворных и гибельных явлений, попеременно совершавшихся в течение веков в жизни исторического человечества, по мере того, преобладало ли в нем царство правды и любви или царство лжи и злобы» [9, с. 41–43].

Соответственно этой цели — гражданственному и нравственному воспитанию общества — было подчинено содержание единого учебника истории. После учебника Н.Г. Устрялова лидером среди рекомендованных учебников на долгое время стали учебники по русской истории Д.И. Иловайского, переиздававшиеся так часто и многотысячными тиражами, как никакой другой учебник за все время издания дореволюционной учебной литературы. Для среднего возраста его «Краткие очерки русской истории» были переизданы к 1917 г. 44 раза, для младшего — 32, для старшего — 36 раз; учебник по всеобщей истории для среднего возраста — 35 раз, для старшего — 30 [10, с. 64]. «Вторую жизнь» издания Д.И. Иловайского пережили в начале 1990-х гг., заполнив собою вакуум в издании учебной литературы [11, с. 185–186].

Известными были и учебники для средних учебных заведений и городских училищ М. Острогорского также с официальными грифами рекомендации Министерства просвещения, выдержавшие свыше 30 переизданий к 1917 г.

Что касается советского периода отечественной истории, то на долгое время единым учебником истории для младших школьников стал знаменитый «Краткий курс истории СССР» под редакцией А.В. Шестакова, для старших — разработанный коллективом под руководством академика А.М. Панкратовой. Оба учебника «дожили» вплоть до наших дней, воспитав многочисленные поколения. Учебник А.В. Шестакова переиздавался в течение 1938–1956 гг. 25 раз, учебник под редакцией А.М. Панкратовой — 22. Выдержав многомиллионные тиражи, учебник, созданный коллективом А.В. Шестакова,

был переведен на все языки народов СССР, стран социалистического содружества, а также на европейские — английский, французский, немецкий языки.

Анализируя проблему создания единого учебника, хотелось бы выделить ряд типологических особенностей, присущих каждому из них, независимо от эпохи, в которую он создавался.

Во-первых, единый учебник заключал в себе консолидирующее начало, транслируя в общество единодушное видение истории и оценки исторического опыта, а также выражая конкретную национальную идею.

Во-вторых, единый учебник отвечал на запрос, сформированный в конкретной историко-культурной ситуации.

В-третьих, единый учебник устанавливал определенные культурно-исторические символы, формируя отношение к исторической памяти через выражение значимых ценностей и трактовку хорошо известных принципиальных событий, явлений, героев и антигероев истории.

В-четвертых, единый учебник стал ресурсом формирования национально-гражданской идентичности, обеспечивая общность платформы в интерпретации собственного опыта цивилизационного развития.

Какие же рассматриваемые в учебнике истории проблемы могли послужить основой для формирования идентичности? Этот вопрос упирается в методологию, поскольку учебник неизбежно отражает цель и мировоззренческую логику его автора, а это и есть методология. Абстрактного объективного познания не существует, мировоззрение формируется индивидуально, поэтому проблема интерпретации исторических фактов во времени и пространстве, установление причинно-следственной зависимости становится не только субъективным творчеством автора учебника, но преследует конкретную мировоззренческую цель.

В первую очередь обратим внимание, что авторы единого учебника истории подчеркивали значимость формирования общности территории, культуры и языка. Общность процессов политогенеза и этногенеза народов, населяющих нашу страну, является магистральной линией в учебнике истории как дореволюционном, так и середины 1930-х гг., когда история как предмет и наука была возвращена в школы и вузы. Цель — осознание сопричастности каждого этноса, населяющего бесконечную российскую равнину, общему историческому пространству.

Уже «Синописис» описывал славянский народ как единый, страну россапан [12, л. 7]. В повествовании о древнем народе автор «Синописиса» будто восклицает: «Ныне же Россы странным естеством же едины» [там же, л. 13]. «Краткий летописец» М.В. Ломоносова, хотя и представлял собою краткий перечень событий русской истории, подробно рассказывал о начальной истории русского государства и народах, населявших территорию современной России. Славянский народ ученый считает одним из древнейших, древность которого «даже до баснословных Еллинских времен простирается и от Троянской войны известна» [13, с. 4]. К предкам славян М.В. Ломоносов относил антов, венетов и вендов, чьи потомки переселились из Малой Азии в Европу морем с юга и сухопутным путем с севера, достигнув южного побережья Балтийского моря и восточноевропейской равнины. Общность территории, языка и обычаев славянских племен, «от которых происходят русские», встречаем и в учебнике М. Острогорского [14, с. 4–8], и Н.Г. Устрялова [15, с. 1–3, 12–13].

Единый славяно-русский этнический монолит трансформировался с течением времени в многонациональное и многоконфессиональное государство, где шло объединение различных этнических и конфессиональных групп на основе общей истории российского государства. Политика объединения отличалась в корне от колониальной политики западных государств, что нашло отражение в том числе в понятийном аппарате учебника истории, в частности в отношении применения слова «русский».

Так, в учебнике Д.И. Иловайского, как показывает исследование А.В. Матвеева, понятие «русский», которое употреблено в учебнике 471 раз из всех 79 601 слов, трактуется очень широко. Это цельная русская народность, что подразумевает, прежде всего, не этническое содержание, а обозначает население Российского государства, «надэтническую» категорию [16, с. 68–69]. Краткие очерки Д.И. Иловайского, изданные впервые в 1860 г., обозначают роль православной церкви в сплочении разрозненных славянских племен в единую русскую народность [17, с. 221], поэтому понятие «русский» подразумевает православный, русский и православный сливались в едином понимании русской народности.

Д.И. Иловайский неоднократно использует выражение «крепкое национальное единство», которое выступает в качестве своего рода идеологемы, характеризующей межэтнические и межконфессиональные взаимоотношения народов, объединенных под сенью российского государства [16, с. 72]. В интерпретации Д.И. Иловайского это единство обеспечивается естественным процессом ассимиляции «массы туземных финских народцев», которые, усваивая русскую народность, вносили в нее самобытные обычаи, язык, предания [17, с. 378]. Единство зиждилось на общеразделяемых ценностях, которыми в первую очередь выступали самодержавие и православие. Значение самодержавия в судьбе Руси-России оценивалось историком с карамзинских позиций и было созвучно с исследованиями современных ему историков, например, историков права — представителей государственной (юридической) школы. Позитивная роль государственного начала виделась в скреплении раздробленной и разрозненной удельной Руси в единое и цельное государственное образование, способное отстоять свой суверенитет в борьбе с враждебными восточными и западными соседями [там же, с. 293].

Истоки формирования русского характера Д.И. Иловайский видит в природно-климатической обусловленности, социальной форме общегития и историко-культурных условиях [там же, с. 313]. Эти выводы были созвучны достижениям исторической науки XIX в., в числе которых труды таких столпов отечественного просвещения, как Н.М. Карамзин [1; 18], С.М. Соловьев [19] и В.О. Ключевский [20].

Очень явственно в мировоззренческой картине, излагаемой Д.И. Иловайским, прослеживается известное клише, которое на долгое время приобрело негативный оттенок: «православие, самодержавие, народность». Нашумевшую в историографической традиции триаду обычно связывают с именем министра народного просвещения Сергея Семеновича Уварова, хотя в действительности ее выдвинул одним из первых Н.М. Карамзин, апологет российской самодержавной государственности [21, с. 33].

Д.И. Иловайский был хорошо знаком с С.С. Уваровым, тот даже участвовал в судьбе молодого учителя гимназии из Раненбурга Рязанской губернии. Благодаря содействию помощника попечителя Московского учебного округа этот пост занимал в то время С.С. Уваров, Д.И. Иловайский стал московским учителем 3-й гимназии, а вскоре полностью погрузился в учебно-методическую работу.

Лично знаком товарищ министра народного просвещения был и с молодым историком Н.Г. Устряловым, порекомендовав его работу на соискание Демидовской премии. С.С. Уваров отдал учиться к Н.Г. Устрялову своего сына Алексея, который в будущем многое сделает для развития русской культуры, станет основателем Московского археологического общества, директором Исторического музея. По просьбе министра народного просвещения Н.Г. Устрялов периодически был цензором.

С.С. Уваров часто покровительствовал тем университетским профессорам, в которых видел своих единомышленников. Так, например, он высоко ценил профессоров Московского университета С.П. Шевырева и М.П. Погодина. Побывав, например, на лекции М.П. Погодина во время инспекции Московского университета, С.С. Уваров с удовлетворением отметил для себя ряд содержательных моментов, которые, несомненно, повлияли на формирование государственной концепции [там же, с. 89]. Посещал он и лекции Н.Г. Устрялова в университете, в частности ему понравилась лекция об удельном периоде в ясном изложении ее автора. Отметим, что Н.Г. Устрялов впервые в историографической традиции обосновал сначала в диссертации «О системе прагматической истории», а затем в учебных пособиях позицию, что на Руси не было феодализма: ни вассалитета, ни поместной системы.

В январе 1836 г. С.С. Уваров рассылает в учебные округа циркуляр о конкурсе на программу и учебник российской истории, обращая внимание авторов на необходимость следовать принципу историзма и показывать факты нераздельности Руси даже во времена удельные, заслуги духовенства, нравственную силу русского народа, его религиозность, отношения России к Польше, систему Петра I, обращать внимание в истории на нравственные черты в судьбах народа [8, с. 96].

Лучше всего этим задачам в середине 1830-х гг. отвечал учебник Н.Г. Устрялова. В определении границ интерпретации внутренней и внешней политики С.С. Уваров опирался на прочно укоренившиеся в сознании населения понятия. Православие объединяло население Российской империи, выступая фактически национальной религией с мощным консолидирующим началом. Самодержавие подразумевало не только форму политического правления, но, прежде всего, естественную среду российского общества, олицетворяемое со стабильностью и порядком в стране. Народность обозначала не этническую принадлежность, а национальное своеобразие через приверженность к национальной религии и национальной форме правления, что превращало ее в надсословную категорию, в гарант единства российского государства-цивилизации [22, с. 107–117].

Идея просвещения в прочтении С.С. Уварова приобретает иное значение, чем у просветителей XVIII в., и становится гарантом политической и социальной стабильности, целостности и единства государства, Церкви, веры, истории, культуры, языка, народа и личности [21, с. 33]. В русской духовной традиции эта симфония воплотится в понятии «соборность», где царит гармония целого при свободе его составляющих.

Создание русской модели просвещения отвечало задачам и потребностям времени. Не только в Европе еще не улеглись страсти после накала революционных потрясений, смахнувших с пути просвещенного развития вековые устои общества, но во всем мире зловещая тень революции напоминала современникам, как легко могут лететь тысячи голов с гильотины во имя справедливости, торжества царства «свободы, равенства и братства» [23, с. 174–175]. Имперский проект в России получил свое дальней-

шее развитие в деятельности талантливых государственных деятелей. В их числе был и страстный патриот, убежденный монархист граф Сергей Григорьевич Строганов, назначенный в 1835 г. попечителем Московского учебного округа. Главной своей задачей на новом посту он считал возвращение внимания государя к проблемам Московского университета, а самого университета — к решению актуальных проблем государства [21, с. 84–85].

В создание самобытной модели просвещения втянулись не только государственные деятели, но и широкая общественность, поэты и писатели, профессора университетов, учителя-практики, историки, юристы, меценаты и др. Государственная идеология «православие, самодержавие, народность» преломляется в образах государства, народов, населяющих его пространство, характеристиках Отечества, в языке народной словесности и литературы, к которым обращаются подчас авторы. Так, педагог-новатор, идеи которого востребованы по сей день, К.Д. Ушинский уделяет значительное время интерпретации народности в своих трудах и учебных книгах. Он обращает внимание взрослых читателей на то, что каждый народ воплощает свою идею, имеет свой особенный идеал человека, который благодаря воспитанию может быть воспроизведен в отдельном человеке. Характер человека — это «почва, в которой коренится народность» [24, с. 307], поэтому юным читателям Константин Дмитриевич просто и доступно рассказывает о родине, Отечестве, природе, городе и деревне, культуре и творчестве народов. Так, в «Детском мире» образ Отечества объясняется через историю деяний отцов и дедов наших, а образ родины через категорию пространства земли Русской, связь с родом, через родной язык, причем понятия «Родина», «Российское государство», «Россия», «Русь» тождественны друг другу [25, с. 100].

Национальная история в трудах авторов фундаментальных исследований по педагогике и истории успешно преодолевала границы этноцентризма, способствовавшего формированию у молодого поколения чувства национальной замкнутости и ксенофобии. Исследователи анализировали отечественный опыт развития многонациональной Руси-России на началах добрососедства, сотрудничества и равноправия.

Показать процесс формирования общности территории, культуры и языка народов, населявших Русь-Россию, учитывая достижения «старой» дореволюционной исторической школы, стало методологической задачей единого учебника в середине 1930-х годов. Это время ознаменовалось поворотом к новому пониманию предмета отечественной истории, который пришел на смену нигилистического подхода, практиковавшегося последователями исторической школы М.Н. Покровского. Именно нерешенность этой задачи стала одной из главных причин неудовлетворенности правительства конспектом школьного учебника по истории СССР, составленного группой историков под руководством Николая Николаевича Ванана. Н.Н. Ванан в то время занимал пост заместителя директора Института истории Коммунистической академии и отвечал в целом за изучение отечественной истории. Он был хорошо известен в научных кругах в связи с дискуссиями 1927–1928 гг. о роли финансового капитала в экономическом развитии России второй половины XIX – начала XX века, поддерживая идею Л.Д. Троцкого о России как «барже, идущей на европейском буксире» [26, с. 97].

Замечания И.В. Сталина, А.А. Жданова и С.М. Кирова касались основных принципов изучения и преподавания истории. Отмечалось, что конспект учебника отражал историю Руси, но не историю СССР, так что история развития единого государства

потеряла историю многих этносов, включая славянские народности, финно-угорские, балтские, народы Поволжья, Кавказа и Закавказья, Средней Азии и Дальнего Востока, северные народы. В замечаниях подчеркивалось: «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история великороссии не отрывалась от истории других народов СССР ... и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории...» [там же, с. 105].

Наиболее успешно с этой задачей справился авторский коллектив под руководством зав. кафедрой истории СССР МГПИ имени В.И. Ленина Андрея Васильевича Шестакова. Из представленных на конкурс этот учебник по истории начальной школы был одобрен Всесоюзной правительственной комиссией и удостоен второй премии в размере 75 тысяч рублей, первой премии не получил никто. «Краткий курс истории СССР» для 3-го и 4-го класса был издан 5-миллионным тиражом и стал на долгие годы основным школьным учебником, по которому училось не одно поколение школьников. В старших классах использовали учебник истории СССР под редакцией историка А.М. Панкратовой.

По признанию А.В. Шестакова, в работе над содержанием коллектив авторов акцентировал внимание на историческом нарративе, роли личности в истории, на истории отдельных народов СССР как субъекте истории, объединенных под единоначалием сильной централизованной самодержавной власти [27, с. 86–87, 89, 96]. Поставленные задачи реализовать было непросто, в особенности это касается истории народов Грузии, Армении, Азербайджана, Дагестана, Средней Азии, Украины и Белоруссии, поскольку отсутствие серьезных исследований по этим вопросам затрудняло работу, в том числе и для педагогических коллективов [там же, с. 97]. В то же время событийная история со своими героями и антигероями строила мировоззренческие ориентиры в сознании молодого поколения, закладывала фундамент отношения к Отечеству, обращала к пониманию любви и патриотизма на конкретных исторических примерах защиты родной земли.

Устанавливая перечень событий, дат, персоналий новый учебник возвращал школьников к героям дореволюционной истории Отечества. На страницах учебника юные читатели наряду с современными им героями революции открывали для себя имена Александра Невского и Дмитрия Донского, Козьмы Минина и князя Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова, Александра Пушкина и Михаила Лермонтова, Николая Гоголя и Михаила Глинки [28, с. 23, 29, 46–47, 72, 81, 86–88; 29, с. 28, 36, 56–57, 88, 99–100, 108–109].

Таким образом, преодолевался тот нигилизм по отношению к своему прошлому, который процветал на протяжении 1920-х гг., в отечественной системе образования. Восстанавливалась историческая память вопреки тому влиянию, которое оказывали на молодое поколение учебные пособия 1920-х гг., созидая новую социальную память, когда история начиналась фактически «с чистого листа», с событий 1917 года, схематизировано и теоретизировано с опорой на социологические выкладки.

В 1938 г. на экран выходит фильм «Александр Невский» с совершенно иной трактовкой роли и значения князя, подвижника и святого. Еще не началась Вторая мировая война, а нарратив кинематографа уже формирует понимание необходимости опираться на подвиги наших воинов, наших святых, которые сохранили вечную Россию. Важно понимать, что в течение семи предвоенных лет, с 1934 по 1941 год, а затем и во время войны внимание к истории было ключевым. Решалась государственная задача миро-

воззренческой и психологической подготовки, мотивации. Выдающиеся историки Евгений Викторович Тарле, Милица Васильевна Нечкина, Анна Михайловна Панкратова «поворачивали» как состоявшихся исследователей, так и юное поколение школьников и студентов к изучению сюжетов, которые давали возможность опереться на наше историческое наследие. Сознание молодежи впитывало национальные традиции и ценности. Советский опыт развития национальной модели просвещения, образования и воспитания свидетельствует о важности понимания того факта, что мировоззренческая оценка должна исходить из отношения к истории, к Родине, к деяниям предков, к историографической традиции. Опричнину Ивана Грозного можно оценивать по-разному, опираясь на те или иные подходы. Но есть вещи, которые всегда должны оставаться для нас святыми. Одним из таких периодов в истории является период Великой Отечественной войны, которому уделялось значительное внимание в едином учебнике [там же, с. 271–281].

В середине 1930-х гг. в исторической науке и преподавании истории в школе и вузе восстанавливались методологические принципы непрерывности и преемственности в изучении исторического прошлого. Целью преподавания истории провозглашалось «впервые в жизни ребенка направить его мысль на элементарное понятие об истории как науке о человеческом обществе в различные отрезки времени» [30, с. 2]. Проблема непрерывности и единства истории остается актуальной и в наши дни, о чем очень часто говорят единомышленники-историки, подчеркивая, что наша задача не противопоставлять друг другу различные периоды нашей истории [31].

Не случаен в середине 1930-х, а потом в начале 1990-х годов, всплеск интереса к фигуре Д.И. Иловайского и его учебникам. И если в 1920-е гг. жестко отменялись «казенные учебники царского времени с Иловайским во главе», утверждавшие карамзинскую идеологию «патриотизма» и «национализма», засоряя «довольно прочно мозги» [32, с. 121–122], то в середине 30-х гг. XX в. привлекал, как это ни парадоксально, методологический подход ученого, а именно принцип конкретности в отборе исторического содержания. «Нам нужен большевистский Иловайский», — прозвучало на совещании историков и географов 5 марта 1934 г. у наркома просвещения А.С. Бубнова [26, с. 103]. Н.Н. Ванаг, автор этой реплики, обращал внимание присутствующих на «громданое принципиальное и методическое значение» представить «исторические факты живыми, подчас персонифицировать их» [33, с. 8].

Отметим, что в новом учебнике под редакцией А.В. Шестакова, победившем на конкурсе, явственно прослеживалась также тема государственности и патриотизма, национальных интересов России. Таким образом, общая линия концепции учебника русской истории Д.И. Иловайского с опорой на государственное начало и отрицательной характеристикой его врагов оказалась востребованной в других исторических реалиях.

Не менее привлекательной для новой концепции отечественной истории, взятой на вооружение советской исторической наукой в середине 1930-х гг., была характеристика выдающейся роли русского народа в строительстве государственности. Выступая на заседании Политбюро, членам которого были разосланы замечания по поводу конспекта учебника, составленного группой Н.Н. Ванага, И.В. Сталин подчеркивал историческую миссию русского народа не только в «собираении» разных племен и народов в единое государство в незапамятные века, но и его роль в новейшей отечественной истории, когда он стал в авангарде утверждения новой формации

в мире и вдохновителем «собрания» народов в новый Союз советских социалистических республик [34, с. 93].

Обратимся к другой важнейшей проблеме, которая прослеживается в содержании единого учебника различных эпох, обозначим как принятие или непринятие собственного исторического опыта в формировании государственности, речь идет о «норманнской проблеме». Эта проблема решалась в соответствии с уровнем, достигнутым исторической наукой в соответствующее время. Полемика вокруг «варяжского вопроса» с каждым столетием набирала свою остроту. Так, В.О. Ключевский отмечал: «Теперь в большинстве исследований господствует творческое направление: <...> легенда о призвании перестала служить средоточием исследований; ученые вступили в полемику с летописцем, перестав быть его комментаторами, и хотят не только доказать, что он написал неверно, но и указать ему, что он должен был написать» [35, с. 119]. Усиливается значение филологии, ресурсы которой позволяют строить новые гипотезы. Если признать выводы Д.И. Иловайского о происхождении Руси, то, по мнению В.О. Ключевского, проясняются многие неразрешимые вопросы и противоречия, например, о том, где жила скандинавская Русь или как она водворилась в Новгороде, или почему так быстро заговорила по-славянски, откуда появилась и т. д. Однако появляются новые противоречия и вопросы. В XIX в. справедливо звучал вопрос: «Как излагать начальные факты нашей истории в среднеучебном заведении, покрывая летописные сказания авторитетом книжных людей XI и XII в.?» [там же, с. 123].

И.И. Белляринов, освещая параллельно всеобщую и русскую историю, объяснял призвание варягов на Русь вслед за летописным преданием и стоял на официальных позициях норманнской теории, подразумевая под варягами иноземные народы. Это были «норманны (немцы), жившие на Скандинавском полуострове и знакомые в IX в. всей Европе своими опустошительными набегами» [3, с. 72]. Подобная интерпретация содержится в учебниках М. Острогорского [14, с. 9–10] и Н.Г. Устрялова [15, с. 4–5].

Д.И. Иловайский считал норманнскую проблему ключевой в русской истории и посвятил ее исследованию ряд работ, вводя в научный оборот не привлекавшиеся ранее источники археологии, лингвистики, этнографии. Ученый не упускал из виду появлявшиеся в печати работы по вопросу славянского этногенеза, подвергая их критическому анализу. В Государственном историческом музее сохранилась записная книжка ученого с конспектами более 40 статей и монографий, в которых затрагивался начальный период истории Руси [36].

Если в первоначальных изданиях учебника Д.И. Иловайского фигурируют варяги в процессе складывания древнерусской государственности согласно летописному преданию, то с тринадцатого издания, вышедшего в 1873 г. [37, с. 82], Д.И. Иловайский излагает теорию о славянском происхождении племени русь, которое летописец смешал с варягами и норманнами. Это племя гораздо раньше, чем варяги, появилось на Руси, еще до VI в., а не в IX в., как наемные варяги. Со славянами его объединяет поклонение Перуну и другим славянским божествам, а также славянский язык, памятником которого служат дошедшие до нас договоры с греками. Корни племени русь, известного греческим и латинским писателям, Д.И. Иловайский относил к сарматскому племени роксолан, которое в X в. распространилось на севере до берегов Ладожского озера, а на юге до Тамани (или Тмутаракани). Все эти земли, утверждал Д.И. Иловайский,

были объединены под властью того княжеского рода, который сидел в стране полян, в Киеве [17, с. 186].

По сути дела, Д.И. Иловайский развивает роксоланскую теорию, которую впервые сформулировал в своих трудах М.В. Ломоносов. Для М.В. Ломоносова происхождение русской государственности, бесспорно, имело славянские корни, поскольку варяги, о которых повествовал летописец, «в древние времена именовались роксоланами или россоланами» и были сарматскими племенами, предками восточных славян [13, с. 6]. В качестве одного из главных доводов против норманнской теории М.В. Ломоносов выдвинул славянский язык, не испытывавший никакого влияния извне, на котором говорили от Дона и Оки до Иллирика и от Эльбы, Черного моря, Дуная до южных берегов Балтийского моря, Западной Двины и Белоозера [38]. На славянский язык обращает внимание и Иннокентий Гизель, автор «Синописа», настоятель Киево-Печерской лавры. Именно на нем говорили варяги [12, л. 13 об.].

Что касается советского периода в освещении норманнской проблемы», то сошлемся на крупного исследователя данной проблематики В.В. Фомина, который в ряде трудов показал, что неприемлемость принципиальной монархической позиции Д.И. Иловайского «советскими антинорманистами» ограничивала их в возможности применить наследие ученого в полном объеме. Д.И. Иловайский был превращен в «символ косности и консерватизма в науке, политике, педагогике», так что даже в широком употреблении появился термин «иловайщина», обозначающий приверженность реакционно-монархической крепостнической идеологии. Хотя внимательное изучение его концепции могло бы положительно повлиять на разработку варяго-русской проблемы и в целом на уровень развития исторической науки [39, с. 88, 91; 40; 41]. В.В. Фомин — один из немногих в историографической традиции, кто оценивает позицию Д.И. Иловайского как гражданскую, патриотизм для которого означал неразрывную связь со своим государством.

Историческая наука 1930-х гг. рассматривала варяжский вопрос с точки зрения скандинавской природы варягов, которые не имели решающего влияния на процесс выработки основ древнерусской государственности в силу значимости внутренних социально-экономических факторов. Так, А.В. Шестаков, рассказывая московским учителям на краткосрочных курсах переподготовки, как преподавать историю СССР по новому учебнику, объяснял, что важно показать сначала ученику неоднородность древнерусского общества, «что еще в VIII веке среди славян уже было классовое расслоение, были свои феодалы, свои господствующие группы — бояре и князья, которые по существу были представителями уже сложившихся государственных учреждений в Киевском государстве VIII века». И потом уже на следующем уроке можно говорить о варягах, которые «пришли по существу на готовые государственные отношения, уже возникшие в силу общественного развития самих славянских племен» [30, с. 5; 29, с. 11–12].

Знакомство с музейными коллекциями было призвано укрепить у учащихся представление о варягах как завоевателях, грабивших побережье Балтийского моря. Отдельным варяжским дружинам, как повествовал учебник, «удавалось возвращаться на славянские земли и подчинять себе местных славянских князей». Отмечалось, что варяги скоро смешались с местным населением, усвоив язык, веру и обычаи [29, с. 15].

В варяжском вопросе советская традиция, по сути, приняла эстафету от концепции Д.И. Иловайского, развивая исследования о племени русь не внешних (варяжских),

а коренных причинах образования Древнерусского государства. Коллектив авторов МГПИ им. А.С. Бубнова решал иначе, чем школа Покровского, вопрос о формировании государства. Древнерусское государство характеризовалось «уже достаточно зрелым и, в отличие от древнейших государств, имевшим большую устойчивость» [27, с. 88].

При этом нельзя обойти вниманием и тот факт, что ключевым методологическим утверждением, обосновывавшемся в учебнике, стало экономическое, культурное и политическое отставание России в эпоху классового общества [там же, с. 93]. «Догоняющее» развитие нашего государства приобрело статус аксиомы, внедрявшейся в научных исследованиях и учебно-методической литературе согласно европоцентристскому взгляду на мировую историю.

Успех единого учебника обычно объясняют государственной поддержкой «официальных историографов», коими считают, например Н.Г. Устрялова [42, с. 261] или Д.И. Иловайского. Оппоненты называли ее главной причиной в столь стабильном и большом переиздании. Хотя современные исследователи обращают внимание и на подспудные стороны критики, связанной, например, с нескрываемой завистью или неспособностью создать подобный учебник, требующий большого методического умения [10, с. 63]. Указывают на неприемлемость со стороны широких либеральных и радикальных кругов открытых государственных взглядов [43]. Резкие, неаргументированные зачастую обвинения, сыпавшиеся на голову составителя учебника, становились причиной потери ими конкурентоспособности, а главное, профессиональной дискредитации автора, распространявшейся на все его научные труды [44, с. 200].

Вокруг целесообразности единого учебника не утихали дискуссии как в прошлом, так в настоящем. Ведь школьный учебник — это институт социализации молодого поколения и строительства нации. Так в чем состоят главные цели единого учебника? Действительно ли, здесь стоит проблема навязывания интерпретации социальной реальности через единый учебник или это все-таки проблема выработки системы ценностей, которая утверждается в жизни молодого человека, и обращение к решению проблемы формирования исторической памяти, в связи с чем и необходимо рассматривать государственную образовательную политику.

На примере единого учебника прошлых столетий очевидно, что существовал мотивированный запрос на формирование исторического мышления, и прежде всего со стороны государства. На повестке сегодняшнего дня этот вопрос стоит не менее остро и дискуссионно, поэтому обращение к историческому опыту единых учебников остается актуальным. Ведь единые учебники истории выражают определенную концепцию цивилизационного развития России и инициируют дискуссии по насущным историко-педагогическим проблемам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карамзин, Н.М. История государства Российского. В 12 т. Т. 1 / отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 1989. 640 с.
2. Фукс, А.Н. Предисловие // Учебники дореволюционной России по истории / сост. Т.В. Естеровова. М.: Просвещение, 1993. 384 с.
3. Беляринов, И. Элементарный курс всеобщей и русской истории. Изд. 45-е. С картами и 164 рисунками. Петроград: Тип. М.А. Александрова, 1916. 352 с.

4. *Кайданов, И.К.* Учебная книга всеобщей истории. Изд. 2-е. СПб.: Тип. К. Жернакова, 1843. VIII, 338, II с.
5. *Кайданов, И.К.* Краткое начертание российской истории. Изд. 4-е. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1838. 82, IV с.
6. *Смарагдов, С.Н.* Краткое начертание всеобщей истории для первоначальных училищ. СПб.: Тип. Штаба военно-учебных заведений, 1855. 257 с.
7. *Кареев, Н.И.* Заметки о преподавании истории в средней школе. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1900. 78 с.
8. *Веркеенко, Г.П., Казакова, О.Ю.* «Любознательный и честный труженик» Николай Герасимович Устрялов (1805–1870 гг.). Орел: Картуш, 2005. 200 с.
9. Наши исторические пособия для преподавателей и учеников // Журнал Министерства народного просвещения. 1862. Ч. 113. № 2. С. 41–74.
10. *Кочешков, Г.Н.* Историк Д.И. Иловайский в школьной практике // Вестник Чувашского университета. 2023. № 3. С. 62–72.
11. *Фукс, А.Н.* Русская история в школьных учебниках Д.И. Иловайского // Отечественная история. 2008. № 5. С. 185–192.
12. *Иннокентий (Гизель).* Синописис или краткое собрание от разных летописцев, о начале славяно-русского народа, и первоначальных князей богоспасаемого града Киева... Киев: Типография Лавры, 1674. 124 с.
13. *Ломоносов, М.В.* Краткой российской летописец с родословием. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1760. 85 с.
14. *Острогорский, М.* Учебник русской истории с рисунками, картами, таблицами. Элементарный курс для средних учебных заведений и городских училищ. Репринтное воспроизведение. Таллин: Октобер, 1992. 168 с.
15. *Устрялов, Н.Г.* Начертание русской истории для учебных заведений. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1839. XXII, 362 с.
16. *Матвеев, А.В.* Русская идентичность в дореволюционном учебнике по истории Д.И. Иловайского // Этнографическое обозрение. 2011. № 2. С. 67–74.
17. *Иловайский, Д.И.* Краткие очерки русской истории // Учебники дореволюционной России по истории / сост. Т.В. Естеферова. М.: Просвещение, 1993. С. 181–384.
18. *Карамзин, Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М.: Наука, 1991. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/karamzin.htm> (дата обращения: 29.08.2022).
19. *Соловьев, С.М.* Сочинения: в 18 кн. Кн. 1. История России с древнейших времен. Т. 1–2 / коммент. В.Т. Пашуто, В.С. Шульгина. М.: Мысль, 1988. 798 с.
20. *Ключевский, В.О.* Курс русской истории. М.: Яуза-пресс, 2018. 1152 с.
21. *Лубков, А.В.* Михаил Катков: молодые годы. М.: МПГУ, 2018. 256 с.
22. *Лубков, А.В. С.С.* Уваров и имперская идеология народного просвещения // М.М. Сперанский и опыт социально-политического реформаторства в отечественной истории: сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции. Владимир: ВГУ, 2023. С. 107–117.
23. *Киселев, А.Ф., Лубков, А.В.* Человек в зеркале столетий. Поиски идеалов личности и античности до наших дней. М.: Вече, 2020. 320 с.

24. Ушинский, К.Д. О нравственном элементе в русском воспитании // Русская школа / сост., предисл., коммент. В.О. Гусаковой. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2015. С. 249–313.
25. Лескинен, М.В. Образы страны и народов Российской империи в учебниках для начальной школы второй половины XIX века: формы репрезентации этничности // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. № 4. С. 92–117.
26. Артизов, А.Н. Николай Николаевич Ванаг (1899–1937) // Отечественная история. 1992. № 6. С. 95–109.
27. Шестаков, А.В. Основные проблемы учебника «Краткий курс истории СССР» // Историк-марксист. 1937. № 3. С. 85–98.
28. История СССР. Краткий курс. Учебник для 3-го и 4-го классов / под ред. проф. А.В. Шестакова. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1938. 212 с.
29. История СССР. Краткий курс. Учебник для 3-го и 4-го классов / под ред. проф. А.В. Шестакова. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1955. 288 с.
30. Шестаков, А.В. Как преподавать историю СССР по новому учебнику. Сокращенная стенограмма доклада профессора Шестакова на краткосрочных курсах московских учителей. Оренбург: Тип. Оренбургского комбината. 9 с.
31. Фроянов, И.Г. Кто матери-истории ценен? // Литературная газета. 2013. 27 февраля.
32. Покровский, М.Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 1. М.: Гос. социально-экономическое изд-во; Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1933. 325 с.
33. Ванаг, Н.Н. Поворот к исторической конкретности // Борьба классов. 1934. № 5–6. С. 5–8.
34. Данилов, В.Н. Иловайский и/или Платонов: сюжет из истории создания советских учебников по истории в 1930-е гг. // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и образования: сущность, концепции, перспективы. Сборник материалов VII Международной научной конференции. Саратов, 2019. С. 89–95.
35. Ключевский, В.О. Наброски по «варяжскому вопросу» // Неопубликованные произведения / предисловие М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1983. С. 113–123.
36. Государственный исторический музей. Отдел письменных источников. Ф. 2. Д. 34.
37. Плетнева, А.В. Истоки роксоланской теории Д.И. Иловайского // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2015. № 2. С. 78–87.
38. Ломоносов, М.В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 г. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1766. 140 с.
39. Фомин, В.В. Дореволюционные антиномисты глазами «советских антиномистов» // Гуманитарные исследования Центральной России. 2019. № 1. С. 85–94.
40. Фомин, В.В. Варяго-русский вопрос в трудах Д.И. Иловайского (к 180-летию со дня рождения ученого) // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 2. С. 18–44.
41. Фомин, В.В. Варяги и Русь // Варяги и Русь: сб. статей и монографий / сост. и ред. В.В. Фомин. М.: Русская панорама; Русское историческое общество, 2015. С. 7–112.
42. Историография истории России до 1917 года. В 2-х т. Т. 1 / под ред. М.Ю. Лачаевой. Вологда: Полиграфист, 2003. 382 с.
43. Поздняков, А.Н. Российские учебники по истории в оценках «Журнала Министерства народного просвещения» (конец XIX – начало XX в.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2016. Т. 16. № 1. С. 22–28.

44. Плетнева, А.В. Критика учебников Д.И. Иловайского в конце XIX – начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 196–202.

REFERENCES

1. Karamzin, N.M. *Istoriya gosudarstva Rossijskogo. T. 1* [History of the Russian State, vol. 1], ed. by A.N. Sakharov. Moscow, Nauka, 1989, 640 p. (in Russ.)
2. Fuks, A.N. Predislovie [Preface]. In: *Uchebniki dorevolucionnoj Rossii po istorii* [Textbooks of Pre-Revolutionary Russia on History], comp. T.V. Esteferova. Moscow, Prosveshchenie, 1993, pp. 3–4. (in Russ.)
3. Bellyarminov, I. *Elementarnyj kurs vseobshchej i russkoj istorii. S kartami i 164 risunkami* [Elementary Course of Universal and Russian History. With Maps and 164 Drawings]. Petrograd, Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1916, 352 p. (in Russ.)
4. Kajdanov, I.K. *Uchebnaya kniga vseobshhej istorii* [Study Book of General History]. St. Petersburg, Tipografiya K. Zhernakova, 1843, VIII, 338, II p. (in Russ.)
5. Kajdanov, I.K. *Kratkoe nachertanie rossijskoj istorii* [Brief Outline of Russian History]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1838, 82, IV p. (in Russ.)
6. Smaragdov, S.N. *Kratkoe nachertanie vseobshchej istorii dlya pervonachalnyh uchilishch* [Brief Outline of General History for Primary Colleges]. St. Petersburg, Tipografiya Shtaba voenno-uchebnyh zavedenij, 1855, 257 p. (in Russ.)
7. Kareev, N.I. *Zametki o prepodavanii istorii v srednej shkole* [Notes on the Teaching of History in Secondary Schools]. St. Petersburg, Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1900, 78 p. (in Russ.)
8. Verkeenko, G.P., Kazakova, O.Yu. “*Lyuboznatelnyj i chestnyj truzhenik*” Nikolaj Gerasimovich Ustryalov (1805–1870 gg.) [“Curious and Honest Worker” Nikolai Gerasimovich Ustryalov (1805–1870)]. Orel, Kartush, 2005, 200 p. (in Russ.)
9. Nashi istoricheskie posobiya dlya prepodavatelej i uchenikov [Our Historical Aids for Teachers And Pupils], *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya* = Journal of the Ministry of National Education, 1862, part 113, vol. 2, pp. 41–74. (in Russ.)
10. Kocheshkov, G.N. Istorik D.I. Ilovajskij v shkolnoj praktike [Historian D.I. Ilovaysky in School Practice], *Vestnik Chuvashskogo universiteta* = Bulletin of Chuvash University, 2023, No. 3, pp. 62–72. (in Russ.)
11. Fuks, A.N. Russkaya istoriya v shkolnyh uchebnikah D.I. Ilovajskogo [Russian History in the School Textbooks of D.I. Ilovaysky], *Otechestvennaya istoriya* = Russian History, 2008, No. 5, pp. 185–192. (in Russ.)
12. Innokentij (Gisel). *Sinopsis ili kratkoe sobranie ot raznyh letopiscev, o nachale slavyano-rossijskogo naroda, i pervonachalnyh knyazej bogospasaemogo grada Kieva...* [Synopsis or Brief Collection from Different Chroniclers, about the Beginning of the Slavic-Russian People, and the Original Princes of the God-Saved City of Kiev]. Kiev, Tipografiya Lavry, 1674, 124 p. (in Russ.)
13. Lomonosov, M.V. *Kratkoj rossijskoj letopisec s rodosloviem* [A Brief Russian Chronicler with a Pedigree]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1760, 85 p. (in Russ.)
14. Ostrogorskij, M. *Uchebnik russkoj istorii s risunkami, kartami, tablicami. Elementarnyj kurs dlya srednih uchebnyh zavedenij i gorodskih uchilishch.* [Textbook of Russian History with Pictures, Maps, Tables. Elementary Course for Secondary Schools and City Colleges]. Tallin, Oktoober, 1992, 168 p. (in Russ.)

15. Ustryalov, N.G. *Nachertanie russkoj istorii dlya uchebnyh zavedenij* [Outline of Russian History for Educational Institutions]. St. Petersburg, Tipography Imperatorskoj Akademii nauk, 1839, XXII, 362 p. (in Russ.)
16. Matveev, A.V. Russkaya identichnost v dorevolucionnom uchebnike po istorii D.I. Ilovajskogo [Russian Identity in the Pre-Revolutionary History Textbook by D.I. Ilovaysky], *Etnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic Review, 2011, No. 2, pp. 67–74. (in Russ.)
17. Ilovajskij, D.I. Kratkie ocherki russkoj istorii [Short Sketches of Russian History]. In: *Uchebniki dorevolucionnoj Rossii po istorii* [Textbooks of Pre-Revolutionary Russia on History], comp. T.V. Esteferova. Moscow, Prosveshchenie, 1993, pp. 181–384. (in Russ.)
18. Karamzin, N.M. *Zapiska o drevnej i novoj Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnošenijah* [A Note on Ancient and New Russia in Its Political and Civil Relations]. Moscow, Nauka, 1991. Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/karamzin.htm> (accessed: 29.08.2022). (in Russ.)
19. Solovev, S.M. *Sochineniya: v 18 kn. Kn. 1. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. T. 1–2* [Essays, Book 1. The History of Russia since Ancient Times, vols. 1–2], comment. V.T. Pashuto, V.S. Shulgin. Moscow, Mysl, 1988, 798 p. (in Russ.)
20. Klyuchevskij, V.O. *Kurs russkoj istorii* [Course of Russian History]. Moscow, Yauza-press, 2018, 1152 p. (in Russ.)
21. Lubkov, A.V. *Mihail Katkov: molodye gody* [Mikhail Katkov: Young Years]. Moscow, Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet, 2018, 256 p. (in Russ.)
22. Lubkov, A.V. S.S. Uvarov i imperskaya ideologiya narodnogo prosveshcheniya [S.S. Uvarov and the Imperial Ideology of Public Education]. In: *M.M. Speranskij i opyt socialno-politicheskogo reformatorstva v otechestvennoj istorii* [M.M. Speransky and the Experience of Socio-Political Reform in Russian History: Collection of Scientific Articles Based on the Results of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Vladimir, Vladimirskij gosudarstvennyj universitet, 2023, pp. 107–117. (in Russ.)
23. Kiselev, A.F., Lubkov, A.V. *Chelovek v zerkale stoletij. Poiski idealov lichnosti i antichnosti do nashih dnej* [Man in the Mirror of Centuries. Searching for the Ideals of Personality and Antiquity to Our Days]. Moscow, Veche, 2020, 320 p. (in Russ.)
24. Ushinskij, K.D. O npravstvennom elemente v russkom vospitanii [On the Moral Element in Russian Education]. In: *Russkaya shkola* [Russian School], comp. by V.O. Gusakova. Moscow, Institut russkoj civilizacii, 2015, pp. 249–313. (in Russ.)
25. Leskinen, M.V. Obrazy strany i narodov Rossijskoj imperii v uchebnikah dlya nachalnoj shkoly vtoroj poloviny XIX veka: formy reprezentacii etnichnosti [Images of the Country and Peoples of the Russian Empire in Textbooks for Primary School of the Second Half of the XIX Century: Forms of Representation Of Ethnicity], *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* = Domestic and Foreign Pedagogy, 2012, No. 4, pp. 92–117. (in Russ.)
26. Artizov, A.N. Nikolaj Nikolaevich Vanag (1899–1937) [Nikolai Nikolaevich Vanag (1899–1937)], *Otechestvennaya istoriya* = Russian History, 1992, No. 6, pp. 95–109. (in Russ.)
27. Shestakov, A.V. Osnovnye problemy uchebnika “Kratkij kurs istorii SSSR” [The Main Problems of the Textbook «A Short Course in the History of the USSR»], *Istoriik-marksist* = Marxist Historian, 1937, No. 3, pp. 85–98. (in Russ.)
28. *Istoriya SSSR. Kratkij kurs. Uchebnik dlya 3-go i 4-go klassov* [History of the USSR. Short Course. Textbook for the 3rd and 4th Grades], ed. by A.V. Shestakov. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatelstvo, 1938, 212 p. (in Russ.)

29. *Istoriya SSSR. Kratkij kurs. Uchebnik dlya 3-go i 4-go klassov* [History of the USSR. Short Course. Textbook for the 3rd and 4th Grades], ed. by A.V. Shestakov. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatelstvo, 1955, 288 p. (in Russ.)
30. Shestakov, A.V. *Kak prepodavat istoriyu SSSR po novomu uchebniku. Sokrashchennaya stenogramma doklada professora Shestakova na kratkosrochnyh kursah moskovskih uchitelej* [How to Teach the History of the USSR by the New Textbook. Abridged Transcript of Professor Shestakov's Report at the Short-Term Courses of Moscow Teachers]. Orenburg, Tipografiya Orenburgskogo kombinata, 9 p. (in Russ.)
31. Froyanov, I.G. Kto materi-istorii cenen? [Who is the Mother of History Valuable?], *Literaturnaya gazeta* = Literary Newspaper, 2013, February 27th. (in Russ.)
32. Pokrovskij, M.N. *Istoricheskaya nauka i borba klassov. Vyp. 1* [Historical Science and Class Struggle, iss. 1]. Moscow, Gosudarstvennoe socialno-ekonomicheskoe izdatelstvo, Leningrad, Gosudarstvennoe socialno-ekonomicheskoe izdatelstvo, 1933, 325 p. (in Russ.)
33. Vanag, N.N. Povорот k istoricheskoj konkretности [Turn to Historical Specificity], *Borba klassov* = Struggle of Classes, 1934, No. 5–6, pp. 5–8. (in Russ.)
34. Danilov, V.N. Ilovajskij i/ili Platonov: syuzhet iz istorii sozdaniya sovetskih uchebnikov po istorii v 1930-e gg. [Ilovaysky and/or Platonov: A Story from the History of the Creation of Soviet History Textbooks in the 1930s]. In: *Aktualnye problemy socialno-gumanitarnyh nauk i obrazovaniya: sushchnost, koncepcii, perspektivy* [Actual Problems of Social and Humanitarian Sciences and Education: Essence, Concepts, Prospects. Collection of materials of the VII International Scientific Conference]. Saratov, 2019, pp. 89–95. (in Russ.)
35. Klyuchevskij, V.O. Nabroski po “varyazhskomu voprosu” [Sketches on the “Varangian Question”]. In: *Neopublikovannye proizvedeniya* [Unpublished Works]. Moscow, Nauka, 1983, pp. 113–123. (in Russ.)
36. *Gosudarstvennyj Istoricheskij muzej. Otdel pismennyh istochnikov* [State Historical Museum. Department of Written Sources], fund 2, file 34. (in Russ.)
37. Pletneva, A.V. Istoki roksolanskoj teorii D.I. Ilovajskogo [Origins of the Roksolan Theory of D.I. Ilovaysky], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya* = Bulletin of the Perm University. Series: History, 2015, No. 2, pp. 78–87. (in Russ.)
38. Lomonosov, M.V. *Drevnyaya rossijskaya istoriya ot nachala rossijskogo naroda do konchiny velikogo knyazya Yaroslava Pervogo ili do 1054 g.* [Ancient Russian History from the Beginning of the Russian People to the Death of Grand Duke Yaroslav the First or before 1054]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1766, 140 p. (in Russ.)
39. Fomin, V.V. Dorevolucionnyye antinormanisty glazami “sovetskih antinormanistov” [Pre-Revolutionary Antinormanists through the Eyes of “Soviet Antinormanists”], *Gumanitarnye issledovaniya Centralnoj Rossii* = Humanities Studies of Central Russia, 2019, No. 1, pp. 85–94. (in Russ.)
40. Fomin, V.V. Varyago-russkij vopros v trudax D.I. Ilovajskogo (k 180-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo) [The Varangian-Russian Question in the Works of D.I. Ilovaysky (To the 180th Anniversary of the Scientist's Birth)], *Vestnik Lipeckogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = Bulletin of the Lipetsk State Pedagogical University. Series: Humanities, 2012, iss. 2, pp. 18–44. (in Russ.)
41. Fomin, V.V. Varyagi i Rus [Varangians and Rus]. In: *Varyagi i Rus* [Varangians and Rus: Collection of Articles and Monographs], ed. by V.V. Fomin. Moscow, Russkaya panorama, Russkoe istoricheskoe obshchestvo, 2015, pp. 7–112. (in Russ.)

42. *Istoriografiya istorii Rossii do 1917 goda. T. 1* [Historiography of the History of Russia before 1917, vol. 1], ed. by M.Y. Lachaeva. Vologda, Poligrafist, 2003, 382 p. (in Russ.)
 43. Pozdnyakov, A.N. Rossijskie uchebniki po istorii v ocenkah “Zhurnala Ministerstva narodnogo prosveshcheniya” (konets XIX – nachalo XX v.) [Russian History Textbooks in the Assessments of the “Journal of the Ministry of National Education” (Late XIX – Early XX Centuries)], *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* = Proceedings of the Saratov University. A New Series. Series: History. International Relations, 2016, vol. 16, No. 1, pp. 22–28. (in Russ.)
 44. Pletneva, A.V. Kritika uchebnikov D.I. Ilovajskogo v konce XIX – nachale XX v. [Criticism of Textbooks by D.I. Ilovayskiy in the Late XIX – Early XX Centuries], *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities, 2015, No. 4, pp. 196–202. (in Russ.)
-

Лубков Алексей Владимирович, академик, Российская академия образования; доктор исторических наук, профессор, ректор, Московский педагогический государственный университет, av.lubkov@mpgu.su

Alexey V. Lubkov, Academician, Russian Academy of Education; ScD in History, Professor, Rector, Moscow Pedagogical State University, av.lubkov@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 22.12.2023. Принята к публикации 19.01.2024

The paper was submitted 22.12.2023. Accepted for publication 19.01.2024